

Ай Хуэйжун. Рецепция творчества Достоевского в китайских переводах, художественных произведениях и научных исследованиях / Ай Хуэйжун // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 154—176. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176.

Ai Huirong. (2020). Reception of Dostoevsky's Creativity in Chinese Translations, Works of Art and Scientific Research. *Nauchnyi dialog, 11*: 154-176. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176. (In Russ.).

УДК 82.091+821.161.1Достоевский=581
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО В КИТАЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ, ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

© Ай Хуэйжун (艾绘荣, 2020), orcid.org/0000-0002-7698-5024, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай), ahr.2006@163.com.

Выполнен обзорный анализ рецепции Ф. М. Достоевского в художественных произведениях китайских писателей и в научных литературоведческих исследованиях. Рассматриваются основные особенности переводов текстов Достоевского и исследований произведений русского классика в разные исторические периоды, характеризующиеся определенными социально-культурными установками и идеологической ориентацией, доминирующими в Китае. Отмечается, что представление Достоевского в Китае с самого начала не было исключительно культурным явлением, а связывалось со стремлением передовой интеллигенции создать современную национальную литературу. На основе исторических фактов и научных исследований устанавливается, что рецепция Достоевского представлена в художественном мире современных китайских писателей разных поколений, в частности, Лу Синя, Юй Дафу, Тэ Нин и многих других, однако глубокие сравнительные исследования осуществлены только в отношении писателей 1920—40-х годов. Особое внимание автор уделяет анализу политико-культурной почвы и идеологических установок при восприятии творчества и взглядов Достоевского китайскими писателями. Показано, что рецепция Достоевского в Китае носит прагматический и односторонний характер: китайские писатели высоко ценили гуманистическое отношение Достоевского к «униженным и оскорбленным», но в целом не принимали его религиозных идей.

Ключевые слова: китайские писатели; Достоевский; перевод; исследование; гуманизм; художественная связь; культура.

1. Введение

Ф. М. Достоевский является одним из самых переводимых и читаемых русских писателей в Китае. Его произведения и художественные идеи оказали заметное влияние на творчество ряда китайских писателей, которые нашли в его текстах духовно-нравственные и эстетико-художественные

ориентеры. Исследование вопроса о художественной связи творчества китайских писателей с работами Достоевского является важным направлением в достоевистике Китая. Данной теме посвящены монографии и статьи многих литературоведов и критиков [Гун Ган, 2017; Динь Шисинь, 2007; Ли Чуньлин, 1995; Мэй Лань, 1999; Тан Да, 2013; Цзюй Пин, 2017 и др.]. Китайские исследователи рассматривают специфику взглядов русского классика, их воплощения в его романах и повестях, проблемы влияния идей Достоевского на творческие искания китайских писателей, например, Лу Синя, Юй Дафу, Цзун Пу и др., однако комплексное исследование, посвященное историческому обзору «вхождения» Ф. М. Достоевского в китайскую литературу, систематизации материалов об идейных поисках китайских писателей XX и XXI веков в их взаимосвязи с духовно-нравственными, религиозными, идеологическими воззрениями русского классика, в настоящее время в китайском литературоведении не проводилось. В данной статье осуществлен анализ особенностей рецепции Достоевского в художественном мире писателей Китая в XX веке глазами китайских исследователей. Рассматривается роль социального, культурного, идеологического фона в восприятии китайцами зарубежного писателя.

2. Переводы произведений Достоевского и исследование его творчества в Китае

Восприятие идейных воззрений и творчества русского писателя в Китае характеризуется неоднородностью в различные исторические периоды: в целом оно соответствовало тем культурным доминантам, эстетическим ценностям, идеологическим течениям, которые были характерны для того или иного времени развития китайского общества. Так, в начале XX века в Китае сформировалось «Движение за новую культуру», в русле которого передовая китайская интеллигенция призывала к культурной революции: формированию новой китайской культуры, в основе которой лежал бы мировой опыт; развитию народной литературы, которая бы могла воздействовать на патриархальные нравы людей, «разбудила» душу народа; обращению к иностранному культурному, в том числе литературному, опыту. В русле последнего требования в 1918 году известный писатель Чжоу Цзожэнь (1885—1967) перевел рецензию английского критика В. Б. Тритеса (W. B. Trites) на работы Достоевского и опубликовал ее в журнале «Синь Циннянь» («Новая молодежь» — один из самых известных журналов, появившихся в свете культурных преобразований, адресатом которого стал новый средний класс), благодаря чему китайские читатели впервые познакомились с Ф. М. Достоевским как писателем. До этой публикации имя Достоевского упоминалось

только в связи с его участием в кружке Петрашевского в статье «История нигилистов», которая была переведена политическим деятелем Ляо Чжункай (1877—1925) с японского языка.

Перевод произведений Достоевского в Китае начался в 1920-е годы, при этом он в основном ограничивался переводом работ небольшого объема, например, рассказами, повестями или фрагментами того или иного романа, в которых отражены темные стороны общества, показана трудная жизнь простых людей. В 1930-е годы появились новые переводы больших произведений писателя: романов «Бесы» (1930), «Преступление и наказание» (1931), «Униженные и оскорбленные» (1931), «Идиот» (1935), повести «Записки из мертвого дома» (1931). Важно отметить, что, как и ранее, большинство текстов было переведено на основе произведений, изданных на английском языке, то есть подверглось двойному переводу. Только в 1940-е годы стали выполняться переводы произведений Достоевского с оригинала. Этим занимались известные переводчики Вэй Цунью, Гэн Цзичжи, Ли Цзи-е, Шао Цюаньлинь, которые представили китайскому читателю «Братьев Карамазовых» (1940), «Униженных и оскорбленных» (1943), «Идиота» (1946), «Бедных людей», «Записки из мертвого дома» (1947, 1950), «Подростка» (1948) и др. Закономерно, что перевод на основе оригинального текста был намного лучшего качества и позволил китайцам глубже проникнуть в художественный мир русского классика, осмыслить его творческие и идейные воззрения, попытаться понять мироощущение такой сложной личности, как Достоевский, без чего утрачивается и возможность понимания его творчества иноязычным читателем.

В 1950—70-е годы работа над переводами текстов Достоевского в Китае переживала подъем, а затем угахла в связи с изменением политической обстановки в стране и на международной арене. В начале 50-х годов в рамках масштабной программы, нацеленной на издание книг русских классиков, в Китае вышло в свет «Собрание избранных сочинений Достоевского» в 9-ти томах (1953). Однако спустя десятилетие, начиная с 1962 и по 1979 годы, в китайском обществе произошли кардинальные перемены, повлекшие за собой изменения и в сфере литературы: культурная революция, обусловленная переходом Китая к ультралевой идеологии, как следствие, напряженность в китайско-советских отношениях, обусловили отказ от перевода произведений русских классиков, в том числе Достоевского, и их издания в Китае. Почти на два десятилетия знакомство китайского общества с русской литературой было остановлено.

Ситуация начала меняться в 1980-х годах, когда литературная жизнь в Китае приобрела большую независимость от политической жизни и

представление иностранной литературы в китайском обществе все более освобождалось от идеологизированности, предписаний ориентироваться на «нужные» работы, поэтому произведения иностранных авторов получали широкое распространение. В это время появились новые переводы на китайский язык таких произведений Достоевского, которые раньше не становились объектом внимания и интереса или считались спорными, реакционными, например, «Бесы» (1978) (хотя впервые роман был переведен в Китае с английского в 30-е годы), «Крокодил» (1982) и др. Самые популярные произведения Достоевского, такие как «Преступление и наказание», «Записки из подполья» и «Братья Карамазовы», имеют по несколько, а некоторые даже больше десяти вариантов перевода, что свидетельствует о большом интересе китайских читателей к творчеству русского писателя. В 2010 году было опубликовано «Собрание сочинений Ф. М. Достоевского» в 22 томах, работа над которым продолжалась более десяти лет. В собрание включены не только художественные тексты писателя, но и его критические статьи, дневники, письма и другие тексты, принадлежащие перу Достоевского, что позволяет китайцам комплексно, полноценно познакомиться с его литературным миром.

Как и переводческая работа, позволившая китайскому читателю познакомиться с произведениями Достоевского, научные исследования его творчества разворачивались в несколько этапов. В 1920-е годы изучением Достоевского занимались в основном писатели-критики: Мао Дунь (1896—1981), Лу Синь (1881—1936), Чжэн Чжэньдо (1898—1958) и другие представители литературного течения «Для жизни». По их мнению, литература должна служить инструментом отражения реальных проблем общества и судеб простых людей, а не быть чистым искусством для наслаждения. В произведениях Достоевского они увидели «народность» и «гуманизм», которые были нужны китайским писателям для создания новой гуманистической литературы. Так, Мао Дунь в критической статье «Место Достоевского в русской литературе» отметил, что в произведениях Достоевского смешиваются отвратительная реальность <...> и идеальный образ <...> Проявляется глубокое сочувствие автора к униженным и оскорбленным» [Мао Дунь, 2014, с. 498, 501]. Сходные взгляды выразили Чжэн Чжэньдо в статье «В честь 100-летия со дня рождения Достоевского» [Чжэн Чжэньдо, 1998] и Лу Синь в «Предисловии к “Бедным людям” (1926)» [Лу Синь, 1976, с. 498, 501]. Можно сказать, что достоевскоеведение данного периода в какой-то степени носило «утилитаристский» характер.

Традиция подходить к изучению писателя с точки зрения полезностишла продолжение в 1930—40-е годы, тогда некоторые исследователи ограни-

чивались изучением определенных идей писателя, анализируя тексты в основном в социальном ракурсе, не углубляясь в сложный художественный мир Достоевского. В то же время появились и новые подходы к изучению творчества писателя. Важные исследования осуществили историк Хэ Бинли и переводчик Гэн Цзичжи. Первый в статье «Достоевский и русский характер» (1945) пытался обобщить черты русского национального характера посредством анализа характеристик различных персонажей. Второй в предисловии переводчика к «Братьям Карамазовым» указал на особенности религиозной тематики в художественном мире Достоевского, отметив важность структурно-композиционной организации текста для передачи авторской идеи.

В 1950 и до конца 80-х годов в китайском обществе доминировала радикальная культурная идея, обусловленная внутренними и внешними политическими обстоятельствами, в связи с чем творчество Достоевского подвергалось тенденциозным односторонним оценкам, и постепенно его изучение было остановлено. Так, в предисловии к «Собранию произведений Достоевского» (1953) предлагается следующий комментарий: «Некоторые идеи произведений Достоевского нельзя рассматривать как полезные. Необходимо отказаться от пропаганды православия в его поздних работах <...> В то же время как великий художник и защитник бедных людей он бессмертен» [Предисловие, 1953, с. 12]. Эта точка зрения оказала большое влияние на исследователей того времени и последующее изучение творчества классика. С 1962 и до конца 1970-х годов имя русского писателя не было упомянуто ни в одной научной статье. Достоевский снова оказался в фокусе внимания китайских литературоведов в 1979 году, когда отметило шестидесятилетие «Движение 4 мая». Однако теперь достоевсковеды были склонны рассматривать творчество писателя сквозь призму его оценок М. Горьким, А. Луначарским и др. писателями и политическими деятелями. Литературоведы Китая по-прежнему стремились к политической корректности, то есть они высоко ценили творческие достижения писателя, но критиковали его мировоззренческие позиции. Находясь под влиянием материалистических воззрений, многие китайские исследователи считали веру в Бога путем позитивного ухода от реальности. Цян Гужун писал: «Достоевский — великий писатель, но каторга и ссылка вызвали у него душевную депрессию и заставили его постепенно оторваться от прогрессивного лагеря, мучительно, но благочестиво обратившись к религиозному мировоззрению, что чрезвычайно погубно сказалось на его будущем творчестве» [Цян Гужун, 1980, с. 50].

В конце 1980-х годов китайская достоевистика вышла на новый этап. Так, в феврале 1986 года в Шанхае состоялась научная конференция, по-

священная Ф. М. Достоевскому. Вышли в свет монографии Дяо Шаохуа [Дяо Шаохуа, 1982] и Ли Чуньлин [Ли Чуньлин, 1985]. Опубликованы статьи Ся Чжуньи и Лю Ядин, посвященные «Запискам из подполья», «Двойнику», «Бесам», которые раньше считались реакционными [Ся Чжуньи, 1982; Лю Ядин, 1986]. Такие ученые, как Пэн Кэсюнь, Ван Шэнси, в своих работах обратили внимание на связь Достоевского с западным модернизмом, в частности, с произведениями Кафки и Камю [Пэн Кэсюнь, 1986; Ван Шэнси, 1993]. Споры Лю Ху, Хэ Маочжэн, Цянь Чжунвэн, Сун Датун о полифонической теории Бахтина расширяли подходы к изучению Достоевского [Лю Ху, 1985; Хэ Маочжэн, 1986; Цянь Чжунвэн, 1987; Сун Датун, 1987 и др.]. Был опубликован ряд авторитетных монографий и статей, посвященных разным аспектам изучения творчества писателя. Среди них стоит упомянуть такие работы, как «Достоевский и дух русской культуры» [Хэ Юньбо, 1997, с. 3], «Драматизм работ Достоевского» [Цзи Синсин, 1999], «Мораль, бог и человек: проблемные вопросы в работах Достоевского» [Хэ Хуэхун, 1999], «Скитающаяся душа: Достоевский и русская традиционная культура» [Чжао Гуйлянь, 2002], «Изучение художественных особенностей романов Достоевского» [Пэн Кэсюнь, 2006], «Синтез слова и мысли: сравнительное исследование по Достоевскому» [Тянь Цюаньцин, 2010], «Идея искупления в произведениях Достоевского: сравнительный анализ в аспекте китайского культурного мышления» [Гуо Сяоли, 2012]. Наряду с литературоведческим анализом в рамках традиционного направления достоевистики появились обзорные исследования, которые представлены в работах Дин Шисинь, Тянь Цюаньцин, Чжан Лэй, Шэнь Лужу, Лю На и др. [Дин Шисинь, 2007; Тянь Цюаньцин, 2010; Чжан Лэй, 2014; Шэнь Лужу, 2008; Лю На, 2017 и др.]. Мотив, религия, философия, психологизм, Бахтин, модернизм, культура — все это ключевые слова в современной достоевистике.

Таким образом, можно утверждать, что китайское достоевскоеведение в разные периоды изучения творчества русского классика осуществляется в различных направлениях, по-разному расставляя акценты: изучается мировоззрение писателя, система характеров его героев, творчество в аспекте особенностей русской и китайской культур и др. В подходах к анализу работ Достоевского, их аксиологической интерпретации очевидно влияние социально-культурных веяний, характерных для определенного исторического периода, художественно-этических исканий китайских интеллигентов, политической ситуации в стране. Если раньше интенсивные изменения в общественной жизни заставляли критиков стремиться принять идеи Достоевского для удовлетворения культурных потребностей социума или противо-

стоять им, то с конца 1980-х годов исследование зарубежной литературы пошло по пути открытости, свободы рефлексии, осмысления литературоведами и критиками. Это позволило многим исследователям сосредоточиться на вопросе влияния иностранной литературы на китайскую, в том числе и на роли Достоевского в творчестве китайских писателей разных поколений.

3. Достоевский и китайские писатели 1920—40-х годов

Первыми специалистами по Достоевскому в Китае оказались писатели 1920—40-х годов, фактически — создатели современной китайской литературы. В рамках «Движения за новую культуру» (1915—1923) китайские литераторы: Ху Ши (1891—1962), Чэнь Дусю (1879—1942), Ли Дачжао (1889—1927), Лу Синь (1881—1936) и другие писатели — начали литературную революцию, призванную освободить китайцев от «яда» феодальной идеологии — системы духовных, нравственных и культурных ценностей, основанных на учении Конфуция. Главная идея заключалась в «свержении» аристократической литературы, характеризующейся вычурностью, витиеватостью, косностью, и в провозглашении новой национальной литературы, которая будет поднимать актуальные общественные проблемы, показывать темные стороны народной жизни, обсуждать конфликт между поколениями и т. д. В связи с необходимостью выработки новых принципов литературного творчества, с критикой классической китайской литературы идеологи «Движения за новую культуру» видели зарубежных писателей образцами для подражания. Достоевский стал одним из классиков, к идеям и творчеству которого обращались китайские писатели: Лу Синь, Юй Дафу и др.

О рецепции Достоевского в произведениях Лу Синя впервые написали Ли Чуньлин и Мао Цзянь в середине 1980-х годов. Они указали на сходство двух писателей, выражающееся в стремлении к созданию новой литературы, отражающей трагические судьбы простых людей, глубокий психологизм, исследование которых и легло в основу сравнительного исследования жизни и творчества Лу Синя и Достоевского. Однако в ряде литературоведческих трудов, например в работах Ли Чуньлина, анализ произведений обоих писателей подвергся влиянию идеологии 50-х годов, ориентированной на социализм (и предлагаемые им революционные битвы пролетариата) как учение и состояние общества, отражающее правду мира. Ли Чуньлин писал: «Его (Лу Синя) дух самопожертвования сосуществует с духом борьбы, и главным является борьба <...> А Достоевский обращается от гуманизма к “богизму”, и в этом его трагедия. Как литературные и художественные деятели мы должны, как Лу Синь, никогда не

отрекаться от общественных проблем, стараться освоить идеи марксизма и ленинизма, сражаться в исторических бурях» [Ли Чуньлин, 1985, с. 192, 194]. Очевидно, что достоевистика данного периода в Китае по-прежнему не смогла выйти из-под влияния политической идеологии и некоторые идеи писателя, особенно религиозные, в частности мысль о смирении как нравственной ценности, подвергались остракизму, поскольку оценивались как негативно влияющие на развивающееся общество того времени.

В 90-е годы ситуация начала существенно меняться: изучение творчества Достоевского и китайских писателей в сопоставительном аспекте постепенно избавлялось от идеологической окраски и становилось исключительно литературоведческим. При этом Ван Шэнси, Тянь Цюаньцзинь, Дун Шанвэнь, Сунь Ипин, Гэн Чуаньмин, Шэнь Лужу и многие другие исследователи считали, что среди китайских современных писателей именно Лу Синь по-настоящему вел творческий диалог с Достоевским. Их суждения основывались, в первую очередь, на историческом факте, поскольку Лу Синь как один из первых исследователей Достоевского в Китае много раз упоминал русского писателя в дневнике, сочинениях или лекциях. Так, Лу Синь в критической статье «Предисловие к “Бедным людям”» называл Федора Михайловича «великим знатоком человеческой души» и «жестоким талантом»: «В лаборатории Достоевского находится душа человека. Начиная с духовной пытки, он отправляет их (героев) на путь размышления, исправления, покаяния, воскрешения <...> Он долго <...> ставил своих героев и героинь в трудную жизненную ситуацию, чтобы показать грехи, скрытые под чистотой, а затем показать чистоту, скрытую под грехами ...» [Лу Синь, 1976, с. 87]. В творчестве Лу Синь, как и Достоевский, стремился к изображению человеческой души, хотел показать ее темные стороны. Однако исследователи утверждали, что в отличие от Достоевского, который показывал «человеческую натуру с физиологическим экзистенциальным характером» [Динь Шисинь, 2007, с. 33], Лу Синь видел своей целью преобразование нации и беспристрастно подходил к анализу и изображению человеческой души, он в первую очередь пытался показать разрушительные последствия феодальной культуры для китайского социума и пробудить в соотечественниках стремление к новой идеологии и морали.

Оба писателя жили в эпоху идеологического хаоса, социальных потрясений, сопровождающихся кризисными изменениями, чувствовали трагедию маленького человека в большом и сложном мире. Поэтому их произведения пронизаны чувством напряженности и одиночества. И Лу Синь, и Достоевский «проявляют опасения по поводу настоящего и будущего человечества, предпочитают боль и тьму, из которых, как они надеются, возродится новая

жизнь и сила» [Мэй Лань, 1999, с. 86]. Лу Синь писал: «Я часто чувствую, что реальны только тьма и небытие. Однако я, хотя и безнадежно, стремлюсь бороться с ними, я не могу понять, реальны ли они <...> Я не намерен идти в рай, где есть то, что не хочу увидеть; я не намерен идти в ад, где есть то, что не хочу увидеть; я не намерен идти в будущий золотой мир, где будет то, что не хочу увидеть» [Лу Синь, 1991, с. 165]. По мнению Тянь Цюаньцзиня, блуждание Лу Синя между светом и тьмой напоминает размышления Достоевского о существовании Бога, преступлении и наказании, жизни после смерти [Тянь Цюаньцзин, 2010, с. 69].

Ценность личности человека, его независимость находятся в центре художественного мира Лу Синя и Достоевского. Как писал исследователь Дин Шисинь, «все ограничения, подавление свободы личности вызывали ожесточенную реакцию Лу Синя и Достоевского» [Дин Шисинь, 2007, с. 32]. Поэтому, используя «незримый клинок» [Там же], оба писателя уничтожали личные, социальные, исторические иллюзии, к которым люди уже привыкли. В работах Лу Синя всегда присутствует какая-то явная враждебность по отношению к обычаям, псевдо-даосизму и лицемерию. Он не хотел становиться «учителем, добрым и благородным человеком», а пытался найти в человеке зверей и демонов. У Достоевского тоже есть злая ирония в адрес так называемых «моралистов» [Там же].

В то же время отношение Лу Синя к Достоевскому было неоднозначным. Он восхищался глубоким психологизмом в изображении души человека и христианским человеколюбием в текстах Достоевского, одновременно не соглашаясь с идеей долготерпения в творчестве русского классика. Лу Синь по этому поводу писал: «Как китайский читатель, я не в состоянии понять достоевское терпение, смирение и страдание. В Китае нет русского Христа, здесь господствует Ли (“вежливость”), а не Бог» [Лу Синь, 1991, с. 411—412]. Он даже несколько раз хотел бросить читать Достоевского. По мнению китайского исследователя, причина заключается в том, что «в китайской традиционной культуре доминирует конфуцианство, не христианство, отсутствует понятие “первородный грех”. Китайцы не верят, что душа бессмертна, предпочитают этику религии, ценят образование, нормы поведения и эту жизнь (настоящее существование). Для них важны ответственный взгляд на жизнь, скромное и практичное обращение с миром <...> Безумное религиозное мировоззрение <...> в произведениях Достоевского <...> не смогли принять китайцы» [Шэнь Лужу, 2008, с. 75—76]. То есть в творчестве Достоевского отказ героев от рационального поведения, их святая любовь и вера в то, что Всевышний спасет, — это следствие богословского экзистенциализма русского классика, а в творчестве

Лу Синя метафизика, нигилизм, спасение своими силами основываются на атеистическом экзистенциализме писателя.

Кроме сравнительного анализа идейных оснований творчества обоих писателей, исследователи уделяли немалое внимание сопоставлению используемых русским и китайским писателями художественных приемов, изучению их конкретных произведений и используемых образов. Так, анализируя «Лекарство» Лу Синя, Ма Сяофэн нашла много сходных символов и сюжетных элементов с «Братьями Карамазовыми» Достоевского, например, «пампушка с кровью революционера Ся Юй, которая считалась лекарством от чахотки, напоминает тело старца Зосимы, от которого ожидалось чудо» [Ма Сяофэн, 2017, с. 23].

Кроме того, в отличие от других исследователей, которые обычно сравнивали двух писателей, Тан Да нашел много общего в Лу Сине с образом Ивана из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского. По мнению Тан Да, в мировоззрении и характере реального Лу Синя и художественного персонажа Ивана проявляются гуманизм и в то же время атеизм, нигилизм и дух мести: «У обоих мрачные и холодные взгляды на людей и историю, сильный комплекс мести <...> Оба замучены нигилизмом, глубоко враждебно относятся к человеческой природе и не могут не подвергать сомнению жестокость Творца» [Тан Да, 2013, с. 105].

В целом художественная связь Лу Синя с Достоевским в разных аспектах изучалась в Китае достаточно масштабно. В связи с этим можно утверждать, что жизненный путь и творчество русского классика оказало определенное влияние на основоположника современной литературы Китая.

Другой представитель китайской литературы 1920—30-х годов Юй Дафу всегда изучался исследователями с точки зрения манеры самовыражения и автобиографического стиля. При всей немногословности его высказывания о Достоевском свидетельствуют об искреннем уважении к русскому писателю и глубоком восхищении его творчеством. В предисловии к переведенной на китайский язык Гуо Можо (1892—1978) новелле «Иммензее» немецкого писателя Теодора Шторма, творчество которого изучалось в том числе в сопоставлении с творчеством другого русского классика И. С. Тургенева, Юй Дафу упомянул и произведения Ф. М. Достоевского: он сравнил работы писателя с «холодным снегом суровой зимы и безумным громом лета», признал свое восхищение силой русского классика, которая может привести людей в «безумие» [цит. по: Юй Дафу, 1998]. Творческую близость Юй Дафу с Достоевским сначала заметил его современник Чжоу Цзожэнь. Юй Дафу в дневнике писал: «Я получил письмо от Чжоу Цзожэнь. Он похвалил мою работу “Прошлое”, сказав, что это про-

изведение — шедевр, сравнимый с романом Достоевского <...> Я буду работать более старательно, чтобы оправдать его похвалы» [Там же, с. 211]. Эта фраза китайского писателя свидетельствует о его озанном желании быть ближе к Достоевскому.

Юй Дафу был основателем и представителем литературной «Ассоциации творения», в основе художественной концепции которой лежало стремление к самовыражению и индивидуальному освобождению человека, занимающегося творчеством. Исследователь Лю Цзюмин указывал, что среди современных китайских писателей Юй Дафу выделялся в том числе и тем, что демонстрировал особое отношение к Достоевскому. В отличие от писателей, стремящихся к созданию «литературы для жизни» Юй Дафу уделяет больше внимания наиболее важным чертам творческой индивидуальности Достоевского, в частности, воплощению идеи страдания, описанию двойничества, изображению отклоняющейся от нормы психологии [Лю Цзюмин, 2003, с. 83]. Как и Достоевский, Юй Дафу сосредоточивал внимание на темных сторонах человеческой жизни, его произведения характеризуются беспристрастной тональностью. Ученые объясняют это прежде всего сходным жизненным опытом Юй Дафу и Достоевского: «Похожий жизненный опыт и бурные события времени, в котором каждый из писателей жил, привели их к одиночеству, меланхолии, формированию болезненной психологии обоих и, как следствие, к общему художественному стилю, характеризующемуся психологизмом, <...> воплощенному в выявлении внутренней раздвоенности, игр подсознания, в показе психологического состояния через описание окружающей действительности» [Ян Юньгэн, 2000, с. 48].

В то же время исследователи отмечали, что герои с патологической психологией у Юй Дафу и Достоевского не теряют своих нравственных качеств, заставляющих их осознать, где добро и зло, между которыми в глубине их душ происходит жестокая борьба. Однако Лю Цзюмин подчеркивал, что, если Достоевский искренне изображал человеческие страдания и обращался к религии, чтобы найти утешение и прибежище для души, Юй Дафу погружался в изучение опыта личности, поэтому у последнего в произведениях отсутствует широкая социальная картина и глубокий смысл [Лю Цзюмин, 2003, с. 85].

В концепции творчества Юй Дафу индивидуальность писателя и позитивный романтизм занимают центральное место, что отличает его от Достоевского-реалиста. Несмотря на преклонение Юй Дафу в начале творческого пути перед творчеством русского писателя и похожее отношение к жизни, исследователями уделено недостаточно внимания художественной связи между произведениями двух писателей.

4. Ф. М. Достоевский и китайские писатели нового поколения

Новое поколение китайских литераторов, начавших писать с 1940—50-х годов, в числе которых можно назвать такие имена, как Ся Цзи-ан (1916—1965), Цзун Пу (1928—), Ван Мэн (1934—) и другие, выросло в эпоху активного формирования современной китайской литературы. Особенностью творчества этой плеяды писателей можно назвать отсутствие такого сильного влияния на них зарубежной литературы, какому подверглось предыдущее поколение писателей. Однако большое количество переводов и исследований, посвященных иностранным авторам и их творчеству, дало им возможность испытать определенное влияние на себе зарубежной литературы.

Так, Ф. М. Достоевский был одним из самых любимых писателей Цзун Пу в молодости. В то же время в отношении писательницы к русскому классическому просматривается важная тенденция, определявшая подход к китайской литературе того времени: она должна быть связана с политическими запросами времени и служить идеологическим установкам, соответственно, главными мотивами в художественных работах становились национальная и классовая борьба и трудовая деятельность. В 1956 году Цзун Пу в эссе «Великий русский писатель Достоевский» писала: «У Достоевского реакционный настрой. В его произведениях обман и мистицизм. Лишь убрав лживую пропаганду, можно увидеть, что он показывал и обличал то общество, в котором люди живут мучительно <...> Читая его произведения, мы можем узнать, насколько человек страдает под гнетом старой системы. Мы должны больше любить и ценить сегодняшнее счастье» [Цзун Пу, 1996, с. 211]. На литературную связь Цзун Пу с творчеством русского писателя обратили внимание Чжао Шуцзинь и Чэн Чжинву. Они отметили, что в обращении писательницы к теме греха и искупления видно влияние Достоевского. В то же время исследователи подчеркнули, что из-за отсутствия в китайской культуре христианских традиций Цзун Пу в своих произведениях «преобразовала» виновное сознание, самоосуждение, искупление, характерные для Достоевского [Чжао Шуцзинь и др., 2011, с. 40].

Другой писатель, Ся Цзи-ань, тоже говорил об уважении и любви к Достоевскому. В переписке с братом Ся Цзи-ань неоднократно давал оценку романам «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Высоко ценя этические, философские размышления и глубину религиозного чувства русского писателя, Ся Цзи-ань признавал, что после прочтения работ Достоевского у него появилось желание писать «серьезный» роман. Исследователь Гун Ган отмечал, что «в романах Ся Цзи-ань психология сумасшедшего игрока с огнем, жестокая любовь иезуита, буддийские исто-

рии, критикующие конфуцианство и буддизм, напоминают философскую и моральную рефлексию в дostoевском стиле» [Гун Ган, 2017, с. 152]. По мнению литературоведа, влиянию Достоевского подверглось не только художественное творчество Ся Цзи-аня, но и его личная жизнь. Так, сам китайский писатель, анализируя историю своих любовных отношений с женщиной, говорил: «Между нами нет такой истории, как между Лизой и Алешей в “Братьях Карамазовых”, не будет и потом ... Я не уверен в будущем, за это мне стыдно <...> Я оказал слишком сильное давление на нее. Зачем я так делал? Я не знаю <...> Приходится винить в этом только демонов» [цит. по: Ван Дун и др., 2015, с. 211].

В 1980-е годы китайская литература испытала новый расцвет: литературная система, разрушенная во время Культурной революции, была восстановлена и реформирована. Предполагалось, что литература должна служить народу и социализму, а для этого необходимо создать свободную атмосферу, допускающую идеологический плюрализм и возможность выбора. Писатели данного периода, например, Тэ Нин (1957—), Чжан Вэй (1956—), Юй Хуа (1960—), Чжан Чэнчжи (1948—), Мо Янь (1955—) и другие авторы, выросли под влиянием советской (русской) культуры и литературы, неоднократно выражали свое уважение и любовь к русским писателям, в том числе и Достоевскому.

Тэ Нин признавала, что русская литература, в частности Достоевский, оказали влияние на ее творчество: «Достоевский начал с религии, выразил боль человеческой души. Я думаю, что эти темы очень сильны. Не сказать, что они влияют на вас прямо, однако они как-то воздействуют на вас опосредованно, как будто витая в воздухе» [Тэ Нин и др., 2003, с. 16]. Обращение писательницы к творчеству Достоевского исходит также из недовольства писательницы состоянием духовного мира современного человека: «Наша современная материальная жизнь эволюционирует, но духовная жизнь становится беднее <...> Нам не хватает способности и смелости размышлять о своих собственных душах, и мы не понимаем ценности и необходимости обладания этой способностью. Люди должны постоянно освобождать свои души от мусора, чтобы продолжать двигаться вперед. <...> Я готова к такому очищению» [Там же, с. 23]. К исследованию литературного диалога между Тэ Нин и Достоевским обратились молодые ученые: Лю Цуньинь, Гэ Сяохуа, Лэй Цы-и и др. Так, Лю Цуньинь писал, что Тэ Нин приняла влияние Достоевского, сознательно внедряя христианский дух в свои произведения, концентрируя внимание на зле, которое живет в человеческой натуре, и спасении человеческой души [Лю Цуньинь, 2009, с. 25]. Гэ Сяохуа пришла к выводу, что обращение Тэ Нин к Досто-

евскому проявляется в изучении человеческой души, стремлении к заботе о ближнем и реалистическом отражении современного мира [Гэ Сяохуа, 2011, с. 32—47]. В то же время Лэй Цы-и подчеркнул, что в отличие от Достоевского Тэ Нин не заставляет своих героев исповедоваться в религиозной форме, к тому же для исповеди ее героев часто характерна незаконченность и незавершенность [Лэй Цы-и, 2019, с. 57].

Китайские литературоведы обнаружили художественную связь с творчеством Достоевского еще одного писателя, современника Тэ Нин, Чжан Вэйя. Тянь Цюаньцзинь полагал, что Чжан Вэй научился у Достоевского изображению семейной жизни и заимствовал идею уважения к народным ценностям [Тянь Цюаньцзинь, 2010, с. 70]. Цзюй Пин сравнивает женские образы в произведениях обоих писателей: «почти преклоняясь перед женщинами, Чжан Вэй создал образ Суй Ханьчжан, а Достоевский — Софьи. Обе девушки играют роль “старшей дочери”, когда в семье “отсутствует” старший сын. С преданностью, терпением, ответственностью они жертвуют личным счастьем ради семейных интересов, находясь в униженном положении. Разное мироощущение, жизненные принципы и предоставленный выбор заставили обеих девушек встать на разные пути искупления. Но определяющим фактором судеб героинь является их отношение к патриархальной культуре» [Цзюй Пин, 2017, с. 20]. Основываясь на этом утверждении, исследовательница приходит к выводу что, хотя Чжан Вэй и Достоевский пытались заставить своих героинь обрести собственный голос, противостоять давлению, однако в их произведениях доминирует мужская культура [Там же].

Китайские писатели Юй Хуа и Мо Янь также признали, что Ф. М. Достоевский в какой-то мере влияет на их творчество. Тянь Цюаньцзинь отмечал в связи с этим, что изображение жизни Мо Янь, Юй Хуа в их произведениях в некотором роде отвечает художественным принципам и идейным поискам русского классика, однако (неосознанно) заимствованные темы жизни народа, отношения к религии и любви, вере и душе воплощаются в их текстах в абсолютно китайском стиле. Можно сказать, что Мо Янь и Юй Хуа осуществили «литературный диалог с Достоевским в более глубоком смысле» [Тянь Цюаньцзинь, 2010, с. 70].

В то же время можно найти и противоположные случаи в отношении китайских писателей к Достоевскому: не приближения к русскому классику, а уклонения от его влияния. Так, Чжан Чэнчжи намеренно избегает обращения к творчеству Достоевского: «Я не читаю не только “Дикую траву”, но и Достоевского и Ницше» [Чжан Чэнчжи, 1988, с. 35]. Как писала критик Хэ Сяньян, в центре работ Чжан Чэнчжи читатель видит конфликт

между человеческой натурой и идеалом. «Находясь над социальной политикой и реальностью, он всегда следит за внутренним конфликтом на идеальном уровне. Это как центробежная и центростремительная силы внутри индивидуальности руководят эмоциональной ориентацией Чжан Чэнчжи в двух направлениях. Такой внутренний конфликт более интенсивен, чем конфликт между героем и миром. Поэтому он не читает Достоевского, боясь услышать себя в голосе русского писателя, боясь увидеть себя в его героях и снова почувствовать боль раздвоенности собственной души» [Хэ Сяньян, 1996, с. 57]. Парадоксально, однако это намеренное дистанцирование от текстов русского писателя как раз свидетельствует о творческой близости между Чжан Чэнчжи и Достоевским.

5. Заключение

История развития современной китайской литературы тесно связана с распространением зарубежной литературы в Китае, при этом русская литература стала одной из главных движущих сил, способствующих формированию зрелого современного художественного творчества. Влияние Достоевского на современную китайскую литературу проявляется не только в том, что его творчество выступает в качестве источника для заимствования взглядов, тем, образов и др. или дает нравственные критерии для критиков, чтобы они оценили духовные искания китайских писателей, но и в том, что он задает эстетические критерии, которые позволяют изучать и интерпретировать китайскую литературу в новом ракурсе. Перевод и исследование художественного мира Достоевского в Китае с самого начала не были исключительно культурными явлениями, обращение к русскому классическому определялось социально-политической атмосферой в стране. В контексте концепции «Для жизни» первые современные китайские писатели увидели в произведениях русского писателя глубокий гуманистический дух и тонкое понимание процессов социальной истории. В то же время религиозные идеи Достоевского долгое время не принимались китайскими писателями. Это объясняется, с одной стороны, культурными и историческими различиями между двумя странами, с другой — локализацией китайской литературы, которой делигируются слишком многие общественные и политические функции. Поэтому для рецепции Достоевского китайскими писателями в определенное время были характерны утилитарность, практичность и односторонность.

В целом исследование художественной связи Достоевского с китайскими писателями имеет в Китае давнюю традицию, накоплено множество работ, в фокусе внимания которых находится творчество русского писателя.

Однако стоит отметить, что исследования посвящены преимущественно рецепции Достоевского китайскими писателями 20—40-х годов, например Лу Синю, Юй Дафу и другим авторам, дана глубокая всесторонняя оценка их связи с творчеством Достоевского. В то же время публикаций, посвященных литературной связи русского классика с «новыми» современными писателями, еще мало, в чем и видится перспектива нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Дун и др., 2015 — 王洞, 季进. 夏志清夏济安书信集 / 王洞, 季进. — 香港中文大学出版社, 2015. — 卷. — 552页. (*Ван Дун. Послания Ся Чжицин и Ся Цзи-ань / Ван Дун, Цзицин.* — Гонконг : Изд-во Китайского университета Гонконга, 2015. — Т. 1. — 552 с.)
2. Ван Шэнсы, 1993 — 王圣思. 《地下室手记》和存在主义小说 / 王圣思 // 外国文学评论. — 1993. — 第2期. — 第101—107页. (*Ван Шэнсы. «Записки из подполья» и экзистенциальные романы / Ван Шэнсы // Обзор зарубежной литературы.* — 1993. — № 2. — С. 101—07)
3. Гун Ган, 2017 — 龚刚. 论夏济安与陀思妥耶夫斯基 / 龚刚 // 中国比较文学. — 2017年. — 第3期. — 第146—159页. (*Гун Ган. О Ся Цзи-ань и Достоевском / Гун Ган // Китайская сравнительная литература.* — 2017. — № 3. — С. 146—159)
4. Гуо Сяоли, 2012 — 郭小丽. 陀思妥耶夫斯基的救赎思想 — 兼论与中国文化思维的比较 / 郭小丽. — 哈尔滨 : 黑龙江人民出版社, 2012年. — 341页. (*Гуо Сяоли. Идея искупления в произведениях Достоевского : сравнительный анализ в свете китайского культурного мышления / Гуо Сяоли.* — Харбин : Хэйлунцзянское изд-во «Народ», 2012. — 314 с.)
5. Гэ Сяохуа, 2011 — 葛晓华. 铁凝与俄国文学 / 葛晓华. — 长沙 : 硕士论文, 2011年. — 92页. (*Гэ Сяохуа. Тэ Нин и русская литература : магистерская диссертация / Гэ Сяохуа.* — Шанша, 2011. — 92 с.)
6. Динь Шисинь, 2007 — 丁世鑫. 对鲁迅接受陀思妥耶夫斯基影响的客观性和历史性分析 / 丁世鑫 // 阴山学刊. — 2007. — 第2期. — 第31—35页. (*Динь Шисинь. Объективно-исторический анализ влияния Достоевского на Лу Синя / Динь Шисинь // Научный журнал Иньшань.* — 2007. — № 2. — С. 31—35)
7. Дяо Шаохуа, 1982 — 刁绍华. 陀思妥耶夫斯基 : 1821—881 / 刁绍华. — 沈阳 : 辽宁人民出版社, 1982. — 141页 (*Дяо Шаохуа. Достоевский : 1821—1881 / Дяо Шаохуа.* — Шэньян : Ляонинское изд-во «Народ», 1982. — 141 с.)
8. Ли Чуньлин, 1985 — 李春林. 鲁迅和陀思妥耶夫斯基 / 李春林. — 合肥 : 安徽文艺出版社, 1985. 198页. (*Ли Чуньлин. Лу Синь и Достоевский / Ли Чуньлин.* — Хэфэй : Искусство и литература, 1985. — 198 с.)
9. Лу Синь, 1976 — 鲁迅. 集外集 / 鲁迅. — 北京 : 人民出版社, 1976. — 180页. (*Лу Синь. Дополнительное собрание сочинений / Лу Синь.* — Пекин : Народное изд-во, 1976. — 180 с.)
10. Лу Синь, 1991 — 鲁迅. 鲁迅全集 / 鲁迅. — 北京 : 人民出版社, 1991. — 卷六. — 637页. (*Лу Синь. Собрание сочинений : в 16 т. / Лу Синь.* — Пекин : Народное изд-во, 1991. — Т. 6. — 637 с.)
11. Лэй Цы-и, 2019 — 雷梓燚. 世界眼光和母语精髓的融合 — 铁凝小说对俄国文学的借鉴和内化 / 雷梓燚 // 聊城大学学报. — 2019. — 第1期. — 第54—60页. (*Лэй Цы-и.*

Синтез мировоззрения и народного языка : рецепция и интернализация русской литературы в творчестве Тэ Нин / Лэй Цы-и // Журнал Ляочэнского университета. — 2019. — № 1. — С. 57—60)

12. Лю На, 2017 — 刘娜. 新世纪文化转型中的中国陀思妥耶夫斯基译介与研究 / 刘娜 // 俄罗斯文艺. — 2017. — 第1期. — 第145—151页. (Лю На. Переводы и исследование Достоевского в Китае в период культурных трансформаций нового века / Лю На // Русская литература и искусство. — 2017. — № 1. — С. 145—151)

13. Лю Ху, 1985 — 刘虎. 陀思妥耶夫斯基小说中人物性格的意识分裂性 / 刘虎 // 文史哲. — 1985. — 第4期. — 第24—27页. (Лю Ху. Двойственность характеров героев в произведениях Достоевского / Лю Ху // Литература, история и философия. — 1985. — № 4. — С. 24—27)

14. Лю Цзюмин, 2003 — 刘久明. 郁达夫与陀思妥耶夫斯基 / 刘久明 // 江汉论坛. — 2003. — 第5期. — 第83—85页. (Лю Цзюмин. Юй Дафу и Достоевский / Лю Цзюмин // Цзянханский форум. — 2003. — № 5. — С. 83—85)

15. Лю Цуньин, 2009 — 刘聪颖. 论铁凝小说中的罪与赎对陀思妥耶夫斯基的接受 / 刘聪颖 // 黔南民族师范学院学报. — 2009. — 第1期. — 第21—25页. (Лю Цуньин. О заимствовании Тэ Ин мотива греха и искупления из произведений Достоевского / Лю Цуньин // Вестник Цяньнаньского народного педагогического университета. — 2009. — № 1. — С. 21—25)

16. Лю Ядин, 1986 — 刘亚丁. 《两重人格》浅析 / 刘亚丁 // 外国文学研究. — 1986. — 第2期. — 第31—36页. (Лю Ядин. Анализ «Двойника» / Лю Ядин // Исследование иностранной литературы. — 1986. — № 2. — С. 31—36)

17. Ма Сяофэн, 2017 — 马小凤. 试析潜翻译对鲁迅小说创作的影响 — 从陀思妥耶夫斯基《卡拉马佐夫兄弟》到鲁迅《药》 / 马小凤 // 荆楚理工学院学报. — 2017. — 32 (3). — 第21—26页. (Ма Сяофэн. О влиянии лагетного перевода на творчество Лу Синя: от «Братьев Карамазовых» к «Лекарству» Лу Синя / Ма Сяофэн // Вестник Технологического института Цзинчуй. — 2017. — № 3. — С. 21—26)

18. Мао Дунь, 2014 — 矛盾. 矛盾文集43卷本 / 矛盾. — 合肥: 时代出版社-黄山出版社, 2014年. — 第32卷. — 784页. (Мао Дунь. Собрание сочинений : в 43 т. / Мао Дунь. — Хэфэй : Народное изд-во «Время», «Хуаншань», 2014. — Т. 32. — 784 с.)

19. Мэй Лань, 1999 — 梅兰. 我们为什么不能上天国? — 对鲁迅和陀思妥耶夫斯基的创作精神之比较 / 梅兰 // 华中师范大学学报. — 1999. — 第2期. — 第83—86页. (Мэй Лань. Почему мы не можем попасть в рай : сравнительный анализ творческого духа Лу Синя и Достоевского / Мэй Лань // Вестник Педагогического университета Центрального Китая. — 1999. — № 2. — С. 83—86)

20. Предисловие, 1953 — 前言 // 陀思妥耶夫斯基选集9卷. — 北京 : 文华书店, 1953年. — 第1卷. — 第1—18页. (Предисловие // Избранные сочинения Достоевского : в 9 т. — Пекин : Изд-во Вэнгуан, 1953. — Т. 1. — С. 1—18)

21. Пэн Кэсюнь, 2006 — 彭克巽. 陀思妥耶夫斯基小说艺术研究 / 彭克巽. — 北京 : 北京大学出版社, 2006. — 528页. (Пэн Кэсюнь. Изучение художественных особенностей романов Достоевского / Пэн Кэсюнь. — Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2006. — 528 с.)

22. Сун Датю, 1987 — 宋大图. 巴赫金的复调理论和陀思妥耶夫斯基的作者立场 / 宋大图 // 外国文学评论. — 1987. — 第1期. — 第41—48页 (Сун Датю. Полифоническая теория Бахтина и авторская позиция Достоевского / Сун Датю // Обзор зарубежной литературы. — 1987. — № 1. — С. 41—48)

23. Ся Чжунъи, 1982 — 夏仲翼. 陀思妥耶夫斯基的《地下室手记》和小说复调结构问题 / 夏仲翼 // 世界文学. — 1982. — 第4期. — 第105—115页. (*Ся Чжунъи*. «Записки из подполья» Достоевского и их полифоническая структуры / Ся Чжунъи // Мировая литература. — 1982. — № 4. — С. 105—115)

24. Тан Да, 2013 — 汤达. 两个决绝的退票者 — 鲁迅和陀思妥耶夫斯基思想之比较 / 汤达 // 中山大学研究生学刊. — 2013. — 第3期. — 第104—110页. (*Тан Да*. Сравнительный анализ идей Лу Синя и Достоевского / Тан Да // Академический журнал для аспирантов Чжуншаньского университета. — 2013. — № 3. — С. 104—110)

25. Тэ Нин и др., 2003 — 铁凝. 文学应当有捍卫人类精神健康和内心真正高贵的能力 / 铁凝 // 当代作家评论. — 2003. — 第6期. — 第10—21页. (*Тэ Нин*. Литература должна обладать способностью защищать душевное здоровье и истинное благородство человека / Тэ Нин, Ван Яо // Обзор современных писателей. — 2003. — № 6. — С. 10—21)

26. Тянь Цюаньцинь, 2010 — 田全金. 言与思的越界 — 陀思妥耶夫斯基比较研究 / 田全金. — 上海: 复旦大学出版社, 2010. — 314页. (*Тянь Цюаньцинь*. Синтез слова и мысли: сравнительное исследование по Достоевскому / Тянь Цюаньцинь. — Шанхай: Изд-во Фуданского университета, 2010. — 314 с.)

27. Хэ Маочжэн, 1986 — 何茂正. “复调小说”理论与陀氏小说的鉴赏 / 何茂正 // 东北师大学报. — 1986. — 第6期. — 第72—78页. (*Хэ Маочжэн*. Теория «полифонического романа» и оценка произведений Достоевского / Хэ Маочжэн // Вестник Северо-восточного педагогического университета. — 1986. — № 6. — С. 72—78)

28. Хэ Сяньян, 1996 — 何向阳. 朝圣的故事或在路上 — 张承志创作精神描述 / 何向阳 // 文艺评论. — 1996. — 第4期. — 第55—63页. (*Хэ Сяньян*. История паломничества и пути: о творческом духе Чжан Чэнжи / Хэ Сяньян // Литературная критика. — 1996. — № 4. — С. 55—63)

29. Хэ Хуэхун, 1999 — 何怀宏. 道德·上帝与人: 陀思妥耶夫斯基的问题 / 何怀宏. — 北京: 新华出版社, 1999年. — 376页. (*Хэ Хуэхун*. Мораль, бог и человек: проблемные вопросы в работах Достоевского / Хэ Хуэхун. — Пекин: Изд-во «Синьхуа», 1999. — 376 с.)

30. Хэ Юньбо, 1997 — 何云波. 陀思妥耶夫斯基与俄罗斯文化精神 / 何云波. — 长沙: 湖南教育出版社, 1997年. — 272页. (*Хэ Юньбо*. Достоевский и дух русской культуры / Хэ Юньбо. — Чанша: Образование, 1997. — 272 с.)

31. Цзи Синсин, 1999 — 季星星. 陀思妥耶夫斯基小说的戏剧化 / 季星星. — 北京: 首都师范大学出版社, 1999年. — 196页. (*Цзи Синсин*. Драматизм работ Достоевского / Цзи Синсин. — Пекин: Изд-во Столичного педагогического университета, 1999. — 196 с.)

32. Цзюй Пин, 2017 — 鞠萍. 从隋含章和索尼娅看张炜和陀思妥耶夫斯基的女性声音表达 / 鞠萍 // 牡丹. — 2017. — 第20期. — 第9—12页. (*Цзюй Пин*. «Женские голоса» Суй Ханьчжан и Сони в произведениях Чжан Вэй и Достоевского / Цзюй Пин // Журнал Мудань. — 2017. — № 20. — С. 9—12)

33. Цун Пу, 1996 — 宗璞. 宗璞文集4卷, 第4卷 / 宗璞. — 北京: 华艺出版社, 1996年. — 507页. (*Цун Пу*. Собрание сочинений: в 4 т. / Цун Пу. — Пекин: Изд-во Хуаи, 1996. — Т. 4. — 507 с.)

34. Цян Гужун, 1980 — 钱谷融. 关于陀思妥耶夫斯基 — 《舅舅的梦》中译本序 / 钱谷融 // 华东师范大学学报. — 1980年. — 04期. — 第49—52页. (*Цян Гужун*. О Достоевском: предисловие к переводу «Дядюшкин сон» / Цян Гужун // Вестник Восточно-китайского педагогического университета. — 1980. — № 4. — С. 49—52)

35. Цянь Чжунвэнь, 1987 — 钱中文. 复调小说：主人公与作者 — 巴赫金的叙述理论 / 钱中文 // 外国文学评论. — 1987. — 第6期. — 第30—39页. (*Цянь Чжунвэнь. Полифонический роман: герой и автор в теории Бахтина / Цянь Чжунвэнь // Обзор зарубежной литературы. — 1987. — № 6. — С. 30—39*)
36. Чжан Лэй, 2014 — 张磊. 新世纪中国陀思妥耶夫斯基研究综述 / 张磊 // 深圳大学学报. — 2014. — 第2期. — 第119—123页. (*Чжан Лэй. Обзор китайских исследований Достоевского в новом веке / Чжан Лэй // Научная газета шэньчжэньского университета. — 2014. — № 2. — С. 119—123*)
37. Чжан Чэнчжи, 1988 — 张承志 渡夜海记 / 张承志 // 作家. — 1988. — 第11期. — 第34—37页. (*Чжан Чэнчжи. Ночное путешествие по морю / Чжан Чэнчжи // Писатель. — 1988. — № 11. — С. 34—37*)
38. Чжао Гуйлянь, 2002 — 赵桂莲. 漂泊的灵魂：陀思妥耶夫斯基与俄罗斯传统文化 / 赵桂莲. — 北京：北京大学出版社. 2002年. — 472页. (*Чжао Гуйлянь. Скитающаяся душа: Достоевский и русская традиция / Чжао Гуйлянь. — Пекин: изд-во Пекинского университета, 2002. — 472 с.*)
39. Чжао Шуцзинь и др., 2011 — 赵树勤, 陈进武. 从“不会忘记”说起 — 宗璞与陀思妥耶夫斯基小说创作比较 / 赵树勤, 陈进武 // 湖南城市学院学报. — 2011. — 第3期. — 第39—43页. (*Чжао Шуцзинь. «Никогда не забывай»: сравнительный анализ творчества Цзун Пу и Достоевского / Чжао Шуцзинь, Чэн Чжинь // Вестник Хунаньского городского института. — 2011. — № 3. — С. 39—43*)
40. Чжао Янь и др., 2004 — 赵艳, 铁凝. 对人类的体贴和爱 — 铁凝访谈录 / 赵艳, 铁凝 // 小说评论. — 2004. — 第1期. — 第22—28页. (*Чжао Янь. Внимание и любовь к людям. Интервью с Тэ Нин / Чжао Янь, Тэ Нин // Литературный обзор. — 2004. — № 1. — С. 22—28*)
41. Чжэн Чжэньдо, 1998 — 郑振铎. 陀思妥耶夫斯基的百年纪念 / 郑振铎 // 郑振铎全集. 20卷. — 石家庄：花山文艺出版社, 1998. — 第15卷. — 第355—358页. (*Чжэн Чжэньдо. В честь 100-летия со дня рождения Достоевского / Чжэн Чжэньдо // Собрание сочинений в 20 т. — Шицзячжуан：Хуашань, 1998. — Т. 15. — С. 355—358*)
42. Шэнь Лужу, 2008 — 沈露儒. 鲁迅接受陀思妥耶夫斯基影响的根据 / 沈露儒 // 苏州大学学报. — 2008. — 第5期. — 第74—76页. (*Шэнь Лужу. Влияние Достоевского на творчество Лу Синя / Шэнь Лужу // Вестник Сучжоуского университета. — 2008. — № 5. — С. 74—76*)
43. Юй Дафу, 1998 — 郁达夫. 日记 / 郁达夫. — 太原：山西教育出版社, 1998. — 355页. (*Юй Дафу. Дневник / Юй Дафу. — Тайюань：Изд-во «Образование», 1998. — 335 с.*)
44. Ян Юньгэн, 2000 — 杨运庚. 陀思妥耶夫斯基与郁达夫心理描写异同论 / 杨运庚 // 安康学院学报. — 2000. — 第1期. — 第48—51页. (*Ян Юньгэн. Сходство и различие психологизма у Юй Дафу и Достоевского / Ян Юньгэн // Журнал Аньканского педагогического университета. — 2000. — № 1. — С. 48—51*)

RECEPTION OF DOSTOEVSKY'S CREATIVITY IN CHINESE TRANSLATIONS, WORKS OF ART AND SCIENTIFIC RESEARCH

© Ai Huirong (2020), orcid.org/0000-0002-7698-5024, PhD in Philology, Senior Lecturer, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China), ahr.2006@163.com.

The article is devoted to a survey analysis of F. M. Dostoevsky's reception in the works of fiction of Chinese writers and in scientific literary studies. The main features of the translations of Dostoevsky's texts and studies of the Russian classic in different historical periods, which were determined by the socio-cultural attitudes and ideological orientation that dominate in China, are considered. It is noted that the representation of Dostoevsky in China from the very beginning was not an exclusively cultural phenomenon, but was associated with the desire of the progressive intellectuals to create a modern national literature. Based on historical facts and scientific research, it is established that Dostoevsky's reception is represented in the artistic world of modern Chinese writers of different generations, in particular Lu Xun, Yu Dafu, Tie Ning and many others, but deep comparative studies have been carried out only in relation to writers of the 1920s and 1940s years. The author pays special attention to the analysis of the political and cultural background and ideological attitudes in the perception of Dostoevsky's creativity and views by Chinese writers. It is shown that Dostoevsky's reception in China is pragmatic and one-sided: Chinese writers highly appreciated Dostoevsky's humanistic attitude towards the "humiliated and insulted", but generally did not accept his religious ideas.

Key words: Chinese writers; Dostoevsky; transfer; study; humanism; artistic connection; culture.

REFERENCES

- Diao Shaohua (1982). *Dostoyevskiy: 1821—1881* [Dostoevsky: 1821—1881]. Shenyang: Lyaoninskoye izd-vo «Narod». 141 p. (In Chin.).
- Ding Shixin (2007). *Obyektivno-istoricheskiy analiz vliyaniya Dostoyevskogo na Lu Sinya* [Objective historical analysis of Dostoevsky's influence on Lu Xun]. *Nauchnyy zhurnal Inshan'* [The scientific journal Insane], 2: 31—35. (In Chin.).
- Ge Xiaohua (2011). *Te Nin i russkaya literatura: masterskaya dissertatsiya* [Te Ning and Russian literature: masters thesis]. Shansha. 92 p. (In Chin.).
- Gong Gang (2017). O Sya Tszai-an' i Dostoyevskom [About Xia Ji-an and Dostoevsky]. *Kitayskaya sravnitel'naya literatura* [Chinese comparative literature], 3: 146—159. (In Chin.).
- Guo Xiaoli (2012). *Ideya iskupleniya v proizvedeniyakh Dostoyevskogo: sravnitel'nyy analiz v svete kitayskogo kulturnogo myshleniya* [The idea of redemption in the works of Dostoevsky: a comparative analysis in the light of Chinese cultural thinking]. Khabarovsk: Kheyluntszyanskoye izd-vo «Narod». 314 p. (In Chin.).
- He Huaihong (1999). *Moral', bog i chelovek: problemnye voprosy v rabotakh Dostoyevskogo* [Morality, God and man: issues in the works of Dostoevsky]. Peking: Izd-vo «Sinkhua». 376 p. (In Chin.).
- He Maozheng (1986). Teoriya «polifonicheskogo romana» i otsenka proizvedeniy Dostoyevskogo [The Theory of "polyphonic novel" and evaluation of Dostoevsky's works]. *Vestnik Severo-vostochnogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the North-Eastern pedagogical University], 6: 72—78. (In Chin.).
- He Yunbo (1997). *Dostoyevskiy i dukh russkoy kultury* [Dostoevsky and the spirit of Russian culture]. Chansha: Khunanskoye izd-vo «Obrazovaniye». 272 p. (In Chin.).
- He Xiangyang (1996). *Istoriya palomnichestva i puti: o tvorcheskom dukhe Chzhan Chenchzhi* [History of pilgrimage and the way: about the creative spirit of Zhang Chengzhi]. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism], 4: 55—63. (In Chin.).
- Ji Xingxing (1999). *Dramatizm rabot Dostoyevskogo* [Drama of Dostoevsky's works]. Peking: Izd-vo Stolichnogo pedagogicheskogo universiteta. 196 p. (In Chin.).

- Ju Ping (2017). «Zhenskiye golosa» Suy Khanchzhan i Soni v proizvedeniyakh Chzhan Vey i Dostoyevskogo [“Women’s voices” by sui Hanzhang and Sonya in the works of Zhang Wei and Dostoevsky]. *Zhurnal Mudan'* [Mudan Magazine], 20: 9—12. (In Chin.).
- Lei Ziyi (2019). Sintez mirovozzreniya i narodnogo yazyka: retseptsiya i internalizatsiya russkoy literatury v tvorchestve Te Nin [Synthesis of worldview and folk language: reception and internalization of Russian literature in the works of Te Ning]. *Zhurnal Lyaochenskogo universiteta* [Journal of Liaocheng University], 1: 57—60. (In Chin.).
- Li Chunlin (1985). *Lu Sin' i Dostoyevskiy* [Lu Xin and Dostoevsky]. Khefey: Izd-vo «Iskusstvo i literaura». 198 p. (In Chin.).
- Liu Congying (2009). O zaimstvovanii Te In motiva grekha i iskupleniya iz proizvedeniya Dostoyevskogo [On borrowing The te Ying motif of sin and redemption from the works of Dostoevsky]. *Vestnik Tsyannanskogo narodnogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Qiannan peoples pedagogical University], 1: 21—25. (In Chin.).
- Liu Hu (1985). Dvoystvennost' kharakterov geroyev v proizvedeniyakh Dostoyevskogo [Duality of characters in the works of Dostoevsky]. *Literatura, istoriya i filozofiya* [Literature, history and philosophy], 4: 24—27. (In Chin.).
- Liu Na (2017). Perevody i issledovaniye Dostoyevskogo v Kitaye v period kulturnykh transformatsiy novogo veka [Translations and research of Dostoevsky in China during the cultural transformations of the new century]. *Russkaya literatura i iskusstvo* [Russian literature and art], 1: 145—151. (In Chin.).
- Liu Yading (1986). Analiz «Dvoynika» [Analysis Of The “Double”]. *Issledovaniye inostranoy literatury* [Research of foreign literature], 2: 31—36. (In Chin.).
- Lyu Tszyumini (2003). Yuy Dafu i Dostoyevskiy [Yu Dafu and Dostoevsky]. *Tszyankhanskiy forum* [Jianghang forum], 5: 83—85. (In Chin.).
- Lu Xun (1976). *Dopolnitelnoye sobraniye sochineniy* [Additional collection of works]. Pekin: Narodnoye izd-vo. 180 p. (In Chin.).
- Lu Xun (1991). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 16 (6). Pekin: Narodnoye izd-vo. 637 p. (In Chin.).
- Ma Xiaofeng (2017). O vliyani latentnogo perevoda na tvorchestvo Lu Sinya: ot «Bratyy Karamazovykh» k «Lekarstvu» Lu Sinya [On the influence of latent translation on the work of Lu Xin: from the Brothers Karamazov to the Medicine of Lu Xin]. *Vestnik Tekhnologicheskogo instituta Tszinchuy* [Bulletin of the Jingchui Institute of Technology], 3: 21—26. (In Chin.).
- Mao Dun (2014). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 43 (32). Khefey: Narodnoye izd-vo «Vremya», «Khuanshan'». 784 p. (In Chin.).
- Mei Lan (1999). Pochemu my ne mozhem popast' v ray: sravnitelnyy analiz tvorcheskogo dukha Lu Sinya i Dostoyevskogo [Why we cant get to Paradise: a comparative analysis of the creative spirit of Lu Xin and Dostoevsky]. *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta Tsentralnogo Kitaya* [Bulletin of the Pedagogical University of Central China], 2: 83—86. (In Chin.).
- Pen Kexun (2006). *Izucheniy khudozhestvennykh osobennostey romanov Dostoyevskogo* [Studying the artistic features of Dostoevskys novels]. Pekin: Izd-vo Pekinskogo universiteta. 528 p. (In Chin.).
- Predisloviye [Preface]. (1953). In: *Izbrannyye sochineniya Dostoyevskogo* [Selected works of Dostoevsky], 9 (1). Pekin: Izd-vo Venguan. 1—18. (In Chin.).

- Qian Gurong (1980). O Dostoyevskom: predisloviye k perevodu «Dyadyushkin son» [On Dostoevsky: Preface to the translation of “uncle’s dream”]. Shen Luru (2008). Vliyaniye Dostoyevskogo na tvorchestvo Lu Sinya [Dostoevsky’s Influence on the work of Lu Xin]. *Vestnik Cuchzhouskogo universiteta* [Bulletin of Suzhou University], 5: 74—76. (In Chin.).
- Song Datu (1987). Polifonicheskaya teoriya Bakhtina i avtorskaya pozitsiya Dostoyevskogo [Bakhtin’s Polyphonic theory and Dostoevsky’s authors position]. *Obzor zarubezhnoy literatury* [Review of foreign literature], 1: 41—48. (In Chin.).
- Tang Da (2013). Sravnitelnyy analiz idey Lu Sinya i Dostoyevskogo [Comparative analysis of the ideas of Lu Xin and Dostoevsky]. *Akademicheskyy zhurnal dlya aspirantov Chzhunshanskogo universiteta* [Academic journal for graduate students of Zhongshan University], 3: 104—110. (In Chin.).
- Tian Quanjin (1987). Polifonicheskyy roman: geroy i avtor v teorii Bakhtina [Polyphonic novel: hero and author in the theory of Bakhtin]. *Obzor zarubezhnoy literatury* [Review of foreign literature], 6: 30—39. (In Chin.).
- Tian Quanjin (2010). *Sintez slova i mysli: sravnitelnoye issledovaniye po Dostoyevskomu* [Synthesis of words and thoughts: a comparative study on Dostoevsky]. Shankhay: Izd-vo Fudanskogo universiteta. 314 p. (In Chin.).
- Tie Ning, Wan Yao (2003). Literatura dolzhna obladat’ sposobnostyu zashchishchat’ dush-evnoye zdorovye i istinnoye blagorodstvo cheloveka [Literature must have the ability to protect the mental health and true nobility of a person]. In: *Obzor sovremennykh pisateley* [Review of contemporary writers], 6: 10—21. (In Chin.). *Vestnik Vostochno-kitayskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the East China pedagogical University], 4: 49—52. (In Chin.).
- Wang Dong, Ji Jin (2015). *Poslaniya Sya Chzhitsin i Sya Tsi-an’* [Messages of Xia Zhiqing and Xia Ji-an], 1. Gongkong: Izd-vo Kitayskogo universiteta Gongkonga. 552 p. (In Chin.).
- Wang Shengsi (1993). «Zapiski iz podpolya» i ekzistentsialnyye romany [“Notes from the underground” and existential novels]. *Obzor zarubezhnoy literatury* [Review of foreign literature], 2: 101—07. (In Chin.).
- Xia Zhongyi (1982). «Zapiski iz podpolya» Dostoyevskogo i ikh polifonicheskaya struktury [“Notes from the underground” by Dostoevsky and their polyphonic structures]. *Mirovaya literatura* [World literature], 4: 105—115. (In Chin.).
- Yang Yungeng (2000). Skhodstvo i razlicheye psikhologizma u Yuy Dafu i Dostoyevskogo [Similarity and difference of psychology in Yu Dafu and Dostoevsky]. *Zhurnal Ankanskogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of the Ankang pedagogical University], 1: 48—51. (In Chin.).
- Yu Dafu (1998). *Dnevnik* [Diary]. Tayyuan’: Izd-vo «Obrazovaniye». 335 p. (In Chin.).
- Zhan Chengzhi (1988). Nochnoye puteshestviye po moryu [Night journey by sea]. *Pisatel’* [Writer], 11: 34—37. (In Chin.).
- Zhao Guilian (2002). *Skitayushchayasya dusha: Dostoyevskiy i russkaya traditsiya* [Wandering soul: Dostoevsky and the Russian tradition]. Pekin: izd-vo Pekinskogo universiteta. 472 p. (In Chin.).
- Zhao Lei (2014). Obzor kitayskikh issledovaniy Dostoyevskogo v novom veke [Review of Chinese studies of Dostoevsky in the new century]. *Nauchnaya gazeta shenchzhenskogo universiteta* [Scientific newspaper of Shenzhen University], 2: 119—123. (In Chin.).

- Zhao Shuqin, Chen Jinwu (2011). «Nikogda ne zabyvay»: sravnitelnyy analiz tvorchestva Tszun Pu i Dostoyevskogo [“Never forget”: a comparative analysis of the works of Zong PU and Dostoevsky]. *Vestnik Khunanskogo gorodskogo instituta* [Bulletin of Hunan city Institute], 3: 39—43. (In Chin.).
- Zhao Yan, Tie Nin (2004). Vnimanije i lyubov' k lyudyam. Intervyu s Te Nin [Attention and love for people. Interview with Te Ning]. *Literaturnyy obzor* [Literary review], 1: 22—28. (In Chin.).
- Zheng Zhenduo (1998). *V chest' 100-letiya so dnya rozhdeniya Dostoyevskogo* [In honor of the 100th anniversary of the birth of Dostoevsky], 20 (15). Shitszyachzhuan: Izd-vo «Khuashan'». 355—358. (In Chin.).
- Zong Pu (1996). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 4. Pekin: Izd-vo Khuai. 507 p. (In Chin.).